ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
HISTORY OF PHILOSOPHY AND THE SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES

УДК 130.3
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-3-541-550
EDN MZZUSD

Концепт «русский Ницше»: системная завершенность связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности в русской философии

Бобков А.И.
Восточно-Сибирский институт МВД России
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110
iab71@inbox.ru

Аннотация. Роль философии Ф. Ницше в осмыслении этнокультурной субъектности и ее связи с религиозным опытом является недостаточно осмысленной философским сообществом. Авторы предлагают иначе рассмотреть концепт «русский Ницше» – подойти к нему не с позиции совпадения философских идей Ф. Ницше с идеями русских мыслителей, таких как К.Н. Леонтьев или В.В. Розанов, а с позиции того, что философия Ф. Ницше выступает системным завершением асистемной философской традиции русской религиозной философии. Парадокс здесь состоит в том, что предугадывание асистемной философской системы Ф. Ницше русской философии является не вполне методологически обоснованным. Авторы полагают, что Ф. Ницше как раз и является завершающим систематиком философии новых начал И.В. Киреевского. Именно он вслед за славянофилами допускает то, что религиозный опыт этнокультурной общности и является основой ее философии.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, русская философия, этнокультурная субъектность, религиозный опыт, русская философия, народ в силе, масса, сверхчеловек

Для цитирования: Бобков А.И. 2026. Концепт «русский Ницше»: системная завершенность связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности в русской философии. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 51(3): 541–550. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-541-550 EDN: MZZUSD

The Concept of “Russian Nietzsche”: Systemic Completeness of the Connection between Religious Experience and Ethnocultural Subjectivity in Russian Philosophy

Alexander I. Bobkov
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
110 Lermontova St., Irkutsk 664074, Russian Federation
iab71@inbox.ru

Abstract. The role of F. Nietzsche's philosophy in understanding ethno-cultural subjectivity and its connection with religious experience is insufficiently comprehended by the philosophical community. The author suggests considering the concept of "Russian Nietzsche" differently. It must be approached not from the position of the coincidence of F. Nietzsche’s philosophical ideas with the ideas of Russian

© Бобков А.И., 2026

thinkers such as K.N. Leontiev or V.V. Rozanov, but as a statement that Nietzsche's philosophy is a systemic completion of the asystemic philosophical tradition of Russian religious philosophy. The paradox here is that the prediction of the asystemic philosophical system of F. Nietzsche of Russian philosophy is not completely methodologically justified. The author believes that F. Nietzsche is the final systematist of I.V. Kireevsky's philosophy of new beginnings. It is he who admits, following the Slavophiles, that the religious experience of an ethnocultural community is the basis of its philosophy.

Keywords: Friedrich Nietzsche, Russian philosophy, ethno-cultural subjectivity, religious experience, Russian philosophy, people in power, mass, superman

For citation: Bobkov A.I. 2026. The Concept of "Russian Nietzsche": Systemic Completeness of the Connection between Religious Experience and Ethnocultural Subjectivity in Russian Philosophy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law,* 51(3): 541–550 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-3-541-550 EDN: MZZUSD

Введение

Проектов по преодолению кризиса этнокультурной идентичности российского общества существует множество, начиная от неоязыческой этноархаики, сконструированной из различных интерпретаций коллективных представлений, и заканчивая некой идеей европейской интеграции как глобального проекта человечества по актуализации христианского наследия с целью преодоления конфликтов между всеми, кто сегодня испытывает «неудобство с идентичностью». В первом случае речь идет об отречении от христианского наследия в силу того, что возвращение к нему не дает той энергетики меньшинства, которое в условиях неолиберальной идеологии сохраняет и обретает властные полномочия за счет демонтажа последних субъектных идентичностей большинства.

Русскую философию полагают вечно второй, не имеющей возможности для того, чтобы стать основой самобытной оригинальной философской системы. Однако есть соображения о том, что русская философия предопределила многие идеи неоклассической философии. Между тем неклассическая философия на сегодняшний день полагается усугубляющей проблему идентичности. Тотальная обьективация мира вела к тому, что человеку приходилось исчезать, отрекаясь от жизненных форм идентичности. Индивидуальность, отрекаясь от принуждающего воздействия квазирелигиозной организации, отождествляла все формы субъектности с ней, полагая религию способной только к сотворению массы и не более того. Предубеждение в отношении религии передается и Ф. Ницше. Однако он отчасти выходит из него. И выходит во многом благодаря русской философии. Выходит при помощи генеалогического метода, полученного за счет предположения человекоразмерности там, где до этого обозначалось его исчезновение. Он подвергает сомнению наличие в человеке гарантии обретения человеческого в будущем за счет уподобления всего человечества последнему человеку. Ницше вслед за К.Н. Леонтьевым обнаружил, что духовный регресс никто не рассматривает как утрату человеком тех идентичностей, которые обнаруживали человеческое как сверхчеловеческое в прошлом, а не в будущем. В будущем обнаружение человеческого возможно лишь при условии отречения от связи религиозного опыта и этнокультурной идентичности в угоду квазирелигиозному лабиринту идентичностей индивидуального характера. Религиозный опыт заброшен, но не преодолен. Более того, именно он определяется Ф. Ницше как путь, ведущий от человека к сверхчеловеку, а затем к богу. Именно так народ верит в пророков и не верит набожным апокалиптикам, полагающим свой путь устрашения масс единственным путем спасения человеческого в человеке. То, что этот человек без этнокультурной идентичности не может понять, какой Бог умер, это мало волнует квазирелигиозных вождей массы. Ставя вопрос о

реконструкции связи этнокультурной субъектности с религиозным опытом, Ф. Ницше следует в лоне православного дискурса, отходя от католико-протестантского дискурса, отрицающего эту связь во имя избранности и цивилизационной экспансии. Отсюда две мистики в прорыве нуминозного. Первая мистика пророческая, когда человеку стоит измениться через диалог с этнокультурном сообществом, созданным им и создавшем его. Это радостный мистический опыт, когда быть лучше, чем казаться. Священное в нем преображает мир через преображение человека непостижимым образом, это тот сверхчеловек, в котором актуализирована религиозная память. Второй же мистический опыт вводит человека в ужасное нуминозное, и дальше он из него к покою и великодушию не приходит. Он ожидает только смерти и милости. Бессмертие за счет милости при созерцании не Бога, а победившего святость последнего мстящего человека. Однако он именно этим считает бога, оставшись в невыносимом одиночестве, столь мощно культивируемом квазирелигиозным ресестиментом. Мстящей массе и религиозный опыт кажется мстящим. Поэтому месть этнокультурной идентичности субъектного характера необходима столь долго объективированной массе.

Актуальные аспекты анализа философии Ф. Ницше

Анализ философских идей Ф. Ницше в истории философии представлен тремя аспектами. Первым аспектом является утверждение ряда авторов о том, что так называемое наследие философа представляет собой «безнадежно рассогласованный и противоречивый набор блестящих размышлений на разные темы» [Цендровский, 2015, с. 998]. Отсюда первое табу, запрещающее воспринимать философию Ф. Ницше как некую законченную мировоззренческую систему. Авторами этого табу следует назвать Ж. Батая, В.А. Подорогу и других. Наиболее ярким представителем этого подхода был К. Ясперс, утверждавший, что «в лице Ницше имеет место некое новое философствование, которое не является чем-то цельным. Вопрос о том, кем он был и чего хотел, остался навсегда открытым. Он подобен вечному начинанию. Кроме того, у него есть собственная философия, которая говорит, не указывая пути» [Марков, 2003, с. 47].

Степень влияния табу можно, вслед за О.Ю. Цендровским, оценить как принятое без сомнения большинством философского сообщества. Автор утверждает вполне обоснованно, что «в количественном отношении это мнение столь безраздельно доминирует вот уже более столетия, что девять из десяти авторов не просто твердо держатся за него – они чувствуют за собой поддержку всего научного сообщества, заявляя, что это “общепризнано”» [Цендровский, 2015, с. 998].

Для неклассической философии, одним из основателей которой считается Ф. Ницше, такой ярлык вполне приемлем, более того, он необходим. Это наиболее подходит для русской философии, состоящей, по мнению А.Г. Дугина, «из фрагментов» и заимствующей системы для того, чтобы по-новому систематизировать науку и демонтировать любую философскую систему, основанную на отсутствии возможности решения проблемы человека [Дугин, 2011].

Однако антиномичность философии Ф. Ницше заключается в том, что наряду с асистемной парадигмой анализа философии Ф. Ницше имеет место и системная парадигма. Если первая настаивает на том, что все произведения Ф. Ницше не выстраиваются в представление о нем как о целостном мыслителе, то вторая утверждает обратное. В. Кауфман, М. Хайдеггер, К. Левит, Ж. Делез, О. Финк, П. Клоссовски настаивают на том, что мысль Ф. Ницше целостна, строга и закончена. Все мнимые противоречия на самом деле не имеют существенного значения.

Методологически верно также то, что системный подход к философии Ф. Ницше хоть и утверждается данными авторами, но они не берутся рассмотреть его более подробно. Следует согласиться с тем, что «самые проницательные комментаторы все еще

разбирают его мысль фрагментарно и не берутся обнажить прочную и стройную взаимосвязь всех тем его учения» [Цендровский, 2015, с. 998].

Если опираться на убеждение М.К. Мамардашвили о том, что философия сначала случается, а лишь потом становится системной, асистемный и системный характер философии Ницше, может быть, действительно ведет нас к тому, что философские системы по своему генезису могут быть двух видов. Первая системность возникает вначале философского проекта системы же, как скажем философия И. Канта. Вторая заключается в том, что системность философии возникает уже постфактум, как это произошло с философией Ф. Ницше. Видимо именно системно-асистемная философия Ф. Ницше и смогла прижиться в России благодаря этому своему качеству. Однако важность этой черты заключается в том, что Ф. Ницше удалось вернуть истории философии качество не музейного собрания мертвых систем, а учителя жизни, как живой жизни мысли. История мышления здесь предстает не как некое логическое высказывание о чем-то, а как высказывание чего-то, пусть и противоречивого на первый взгляд.

Сочетание в философии Ф. Ницше системности и асистемности можно рассмотреть также с позиции точки зрения на нее. Если рассматривать данную философию как вызов любой философской системе критического характера, когда творцу дают минимум возможностей, а то вообще не дают, то вполне возможно утверждение того, что она асистемна. Это как картина, если к ней приблизиться на расстояние, когда видны хаотические мазки, а сама картина не видна в принципе. Иное дело, когда смотришь на картину с другой точки зрения и видишь ее всю целиком. Тогда она целостна и системна. Единственным упущением в такой целостности является невозможность узреть «умозрение в красках» мысли (Е.Н. Трубецкой). Скорее всего необходимо сочетать и ту и другую точку зрения, чтобы явленное упорядоченное настоящее сочетать с ее хаотическим прошлым. Иначе прошлое не сможет растолковать настоящее. Вера в вечный прогресс, унаследованная или привнесенная в философию наукой, у Ф. Ницше как у художника не сочетается. Ему противна утрачиваемая через объективацию природы человекоразмерность бытия. Поэтому его алогичность с точки зрения науки есть явленная логика жизни интуитивного характера. Человек, разрубающий время на отрезки во имя того, чтобы одна картина мира заменила другую, завешивая тот просвет бытия, который и был отражен в предыдущей картине, но был признан бессмысленным, пустым, ничто, не может смириться с тем, что он сам пуст. Поэтому утверждаемая Ф. Ницше субъективная асистемность является одной из сущностей его генеалогического метода и ведет к системной субъектности через преодоление объективации жизни бесчеловечной, но системной и разумной. Обреченность замены этнокультурной субъектности объективированной системной национально-цивилизованной массой возможна только в расколдованном мире, где божий дар мышления все-таки заменен критикой исследования.

Асистемность философии Ф. Ницше можно объяснить тем, что едва ли не впервые в философскую систему была введена философия человека, но не как обреченного на отсутствие места субъекта в ней, а наоборот, как цели философствования. Антропологизм и генеалогизм философии Ф. Ницше потребовал ухода от механического объективизма систем философствования. Поэтому здесь привычная логика научного мышления, приемлемая философией системосозидающей, была нарушена в интересах философии жизнепостигающей. Н.В. Мотрошилова отмечала, что «...в большинстве (изученных мною) случаев стрелы критики Ницше поражали не вымышленные цели, а были направляемы против действительных слабостей, затруднений философской мысли прошлого и его (Ницше) современности» [Фридрих Ницше…, 2017, с. 688].

Смерть бога философов начинается именно тогда, когда объектность ставится выше субъектности. Именно это есть успех непротиворечивой системы объективного характера. Отсюда и упреки Ф. Ницше в том, что он противоречив и не целостен. Только нежизненная целостность философии до него полагается вынесенной за скобки. Скорее

всего Ф. Ницше интуитивно понял генеалогию такой философии из теологии как рутинизированной харизмы. Теология стремится к остановке связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности с целью замены последней на объективированную субъективность реактивной власти, скрывающей свои властные амбиции научностью. Слабость такого властного самосохранения для Ф. Ницше была очевидна. Поэтому он добивался освобождения философии от подчинения системности естественных или социально-гуманитарных наук, уповая на их параллельное развитие. Исток у философии не в науке, а в религии и мифе как более приближенных к ценности и жизни. Как полагает В.И. Визгин, смена вектора философии у Ф. Ницше происходит в сторону обозначения связи религиозного смысла философии как основы для выявления связи этнокультурной субъектности и религиозного опыта. Именно в этом повороте мысли открывается пространство для этой связи. Открыто оно было в русской философии как предтече неклассической философии. Религиозное непринятие жизни М. Вебера есть неправильное протестантское критическое истолкование католицизма и не более. Отметим, что католицизм в русской мысли религией не был, как ею не был и протестантизм. Скорее всего, если вдуматься в слова В.И. Визгина о том, что «...открываемое им пространство мысли развертывается не под "небесными" знаками разума и достоверности, а под "земным" знаком жизни и ценности», то следует понять тот факт, что религиозный опыт не может не признавать «народ в силе» в качестве своего, лежащего в основании (субъекта истории, соборного субъекта) [Визгин, 2004, с. 283].

Третий аспект анализа философии Ф. Ницше заключается в том, что ее необходимо все-таки проанализировать в качестве новой философской системы, которая отличается как раз тем, что она отрицает возможности связи продуктивности философии с теологией или с наукой как частями идеологии или квазирелигии, но является тесно связанной с религиозным опытом, который и является наиболее важной основой для обозначения философии как одного из способов жить, а не приспосабливаться.

«Русский Ницше» как системное завершение русской религиозной философии этнокультурной субъектности

Однако такое допущение идет во многом от того, что «философия не является абсолютным знанием, она осознает свои возможности и границы в соотношении с религией откровения. В отличие от атеизма, философия не отрицает религию, а ставит ее и себя под вопрос, она обращается к разуму людей, которые сами должны решить, как им жить и во что верить» [Марков, 2003, с. 47]. Именно с ним не согласны те, кто полагает теологические системы основой философии. Именно они начинают подозревать философские учения, основанные на отрицании теологии через религиозный опыт, в их причастности к различным социально-политическим экспериментам, влекущим «восстание масс», наклеивая на них ярлыки, не раскрывающие их сущности. Так идет перекладывание ответственности с теологизированной или наукообразной философии на философию, связанную с религиозным опытом. Утверждение Б.В. Маркова здесь вполне четко очерчивает смысл связи философии и религиозного опыта в контексте философии Ф. Ницше, который «характеризовал свою философию как экспериментальную, она протекает в форме опытов и продумывании возможностей. Под опытом здесь понимается испробование различных возможностей, а не открытие чего-либо абсолютно достоверного» [Марков, 2003, с. 46]. Путаница религиозного опыта с теологизированной философией ведет к тому, что даже Ф. Ницше иногда скатывался на их отождествление. И, к сожалению, наши современники пытаются вместе с ним объединить квазирелигию с религией, чтобы обвинить последнюю в том, что она заменила народ массой и над ней стала проводить эксперименты. Вот высказывание Б.В. Маркова: «Многие считают религию полезной, так сказать, культурной, или цивилизованной, точкой зрения. Бог – это просто идеальный образ человека, эталон для оценки его практических деяний.

Но М. Шелер, отстаивавший этот тезис в своем проекте теономной антропологии, не учел, что многие земные институции построены по образцу "божьего града". Прежде всего верховные правители отождествляют себя с богами и смело карают или милуют своих сограждан. Например, судя по совпадению надписей на вратах Ада и Освенцима, модели католической теологии использовались для создания самых страшных творений человека – концентрационных лагерей» [Марков, 2003, с. 28].

И это же указывает на то, что теология, подчинившая философию через отстраненность от религиозного опыта, не знает Бога, а знает лишь властные устремления отдельных субъектов, о которых говорит Ф. Ницше. Причина в том, что зачастую философия начинает брать понятие Бога интерпретированным, уже готовым из теологической интерпретации. Именно это ведет к тому, что, как полагает Б.В. Марков, «бог философов и теологов – это холодный ужасный монстр. Он мыслится как абсолютный защитник, однако, выброшенный за пределы Универсума, он никого ни от чего не защищает. Осознавая это, теологи и вынуждены были использовать веру в существование Ада. Их модель превосходила все возможные представления о наказании. Ад – это бесконечный эксцесс боли и страданий» [Марков, 2003, с. 28]. Именно это выбрасывание бога из теологических и философских систем, основанных на теологических утверждениях умозрительного характера, вело и ведет к тому, что в них нет места и человеку. Более того, именно они заставляют человека воспринимать религию и философию в качестве неких практик расколдовывания мира и отрицания жизни.

Не случайно А. Шопенгауэр определил теологизацию философии как отвлечение ее внимания от анализа связи религиозного опыта и этнокультурной субъектности. Именно это торжество квазирелигии над религией снижает значимость философии в преодолении бессубъектного этнического состояния. Народ больше не первоначало философского, он объект. Это устанавливается достаточно легко, когда вместо религиозного опыта как основы этнокультурной субъектности подается государственная религия, а точнее квазирелигия как основа для понимания населения как массы и только массы. Философия не способна к осознанию наличия этнокультурной субъектности тогда, когда согласно А. Шопенгауэру, «в результате оказывается, что, пока существует церковь, в университетах всегда будет преподаваться лишь такая философия, которая насквозь проникнута соображениями о государственной религии, в существенном идет рука об руку с последней и потому – несмотря на все свои завитушки, причудливые украшения и вытекающую отсюда невразумительность – всегда в основном и главном представляет собою не что иное, как парафразу и апологию государственной религии» [Шопенгауэр, 2001, с. 107]. Религия в данном случае, как и подлинная философия, не могут быть освоены в силу того, что им отказано в праве выступать одновременно и основой, и целью мышления. Именно этот момент нуждается в том, чтобы понять одну идею, которую неоднократно высказывал Ф. Ницше, а именно то, что религия и философия питаются не страхом масс пред будущим, а преодолением этого страха этнокультурной субъектностью в прошлом, «…мужеством, приключениями, желанием неизвестного, на что никто еще не отважился, – мужеством кажется мне вся предшествующая история человека» [Ницше, 2007, с. 304].

Именно «смерть Бога в душах людей» (Н.А. Некрасов) заботит русскую мысль. Мы часто полагаем, что Ф. Ницше был создателем самобытной философии, в основании которой лежат идеи А. Шопенгауэра, Я. Буркхардта, Р. Вагнера. Однако здесь можно усомниться и показать то, что генезис философии Ф. Ницше таится в русской полифонической мысли Ф.М. Достоевского. Ведь сама противоречивость философии Ф. Ницше, может быть, происходит от того, что в романах Ф.М. Достоевского «слово героя, поэтому, вовсе не исчерпывается здесь обычными характеристическими и сюжетно-прагматическими функциями, но и не служит выражением собственной идеологической позиции автора (как у Байрона, например). Сознание героя дано как

другое, чужое сознание, но в то же время оно не опредмечивается, не закрывается, не становится простым объектом авторского сознания» [Бахтин, 2000, с. 12].

Именно Ф.М. Достоевский впервые, согласно М.М. Бахтину, дал возможность философским системам теологического и научного характера, разрывая связь религиозного опыта и этнокультурной субъектности, вслед за западной теологией довести себя до абсурда, представив народ некой безвольной массой. Вот откровение Шатова, дошедшего до того, что называется объективация этнокультурного бытия или конструирование этнокультурной идентичности: «Ни один народ… ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будут исполнять до конца веков» [Достоевский, 2021, с. 217]. А вот высказывание о науке Ф. Ницше: «Ибо страх – наследственное, основное чувство человека; страхом объясняется всё, наследственный грех и наследственная добродетель. Из страха выросла и моя добродетель, она называется: наука» [Ницше, 2005, с. 304]. Сконструированная этноархаика, имеющая основу в наукообразных системах социально-гуманитарного характера, сегодня полагается тем, что называется сущностью народной субъектности, его концом как субъекта истории. Цивилизация здесь наиболее четко превосходит культуру, ибо народ устраивается в качестве абстрактной системы, обреченной на замещение массой. Только вот этому замещению Ф. Ницше не верит, ибо генеалогия народа и генеалогия масс у него не совпадают. Если народ у Достоевского происходит из «живой жизни», то масса, наоборот, из жизни искусственной, сконструированной. Именно в этой жизни Великий инквизитор видит смысл создания религии, тогда как Ф.М. Достоевский видит ее как раз в том, чтобы уйти от сконструированной этноархаики. Именно этот смысл создания Бога и видит И. Карамазов, а другого смысла он не видит. Между тем Ф. Ницще, вслед за Ф.М. Достоевским, понимает, что смысл создания Бога – в обретении целостности бытия как имеющего смысл, а не абсурдного [Фридлендер, 1985, с. 264].

Если не допустить симфонической личности, а именно народа субъектно интегрированного в индивидуальность, а индивидуальность, интегрированную в субъектность народа, то идея сверхчеловека окажется весьма близкой к тому, что он признает массу основой своей власти и независимости от нее. Тем самым мы выгоняем Ф. Ницше «из собственного дома» (А.В. Перцев) и лишаем его права быть создателем философской системы, в центре коей стоит этнокультурная субъектность, связанная тесно с религиозным опытом живой жизни. Тем самым мы получаем вновь отказ от того, что русская философия все же имеет своим началом, что и выразил Ф. Ницше, связь религиозного опыта с этнокультурной субъектностью. Индивидуальность здесь не в отрицании народа, а в отрицании массы как единственного состояния народа, бессубъектного состояния. Отрицание того состояния, когда «в недрах большого общества само собой формируется сообщество авторитетных (харизматических, если угодно) вождей, малое, но более энергичное и волевое. И ему не составляет никакого труда управлять миром без его ведома» [Московичи, 2020, с. 7].

Именно в преображении человека в качестве ухода от состояния последнего человека и таится та самая идея сверх-человека, который по сути не есть сочетание полного отсутствия «…злопамятности и мщения Спасителя с экспансивностью, повышенной витальностью римского владыки» [Цендровский, 2015, с. 1004]. Скорее всего, сверх-человек Ф. Ницше – это преображенный человек, который как раз обладает пониманием смысла обретения народом своего бога через непостижимое наличие этнокультурной субъектности в расколдованном мире. Варварство массы, приписываемое

народу, есть утрата стиля жизни, есть состояние утраты мужества утверждения наличия этнокультурной субъектности в прошлом, в первоистоке.

Вслед за Ф.М. Достоевским Ф. Ницше полагает, что богоискательство народа закончится тогда, когда он поймет, что его Бог был всегда с ним, и стоит снять завесу богооставленности или смерти Бога, чтобы прийти к тому, что утверждает литературный герой Шатов, а потом философ Ф. Ницше. Преемственность здесь настолько очевидна, что для доказательства следует привести только один фрагмент из «Бесов», а потом из «Антихристианина». Методологически важно отметить лишь то, что в своем Боге герой Достоевского видит русского Христа, Христа, ставшего своим для русских тогда, когда при помощи теологов его отовсюду «выгнали» те, кто не хотел поставить народ выше личности и правящей массой элиты. Русские обрели этнокультурную субъектность, благодаря тому, что «на Руси со времен принятия православия доминирует стремление дойти до первоистока и оградить его от посягательств, чтобы затем сохранять в незамутненном виде: вольные и субъективные мнения комментаторов тут никого не интересуют» [Перцев, Фархитдинова, 2016, с. 5].

Ницше идет дальше и пытается найти Бога, подобного Христу, для каждого народа, чтобы утвердить Христа для всех. В этом и есть продолжение Ф.М. Достоевского. Ницше критикует христианство без Христа, полагая, что именно оно и есть Антихрист, лишающий религиозный опыт связи с этнокультурной субъектностью, причем возникший тогда, когда на место религии как создателя этнокультурной субъектности пришла церковь с ее квазирелигиозным устрашением масс и поощрением их рессентимента. «Мстящий Христос» у Ф. Ницше невозможен, как и у Ф.М. Достоевского, ведь именно в этом образе исчезает связь религиозной памяти и этнокультурной субъектности. Достоевский такого Христа не хочет знать, ибо это совсем не тот русский Христос. Он говорит о том, что образы Христа многообразны, а вот Антихрист универсален.

Хотя сходство их мыслей еще раз позволяет сказать нам, что религиозный смысл философии состоит в том, чтобы этнокультурная субъектность стала высшей искомой ее точкой. Философия не должна смиряться с торжеством утраты массами религиозной решимости народа. В этом Достоевский и Ницше являются схожими, а это ключ к тому, чтобы понять Ф. Ницше как создателя русской философии на новых ею искомых началах. Парадокс в том и состоит, что Ф. Ницше является продолжателем идеи религиозной памяти как основы этнокультурной субъектности открытой русской философией. Ницше – творец русской идеи и ее продолжатель. Можно легко обнаружить очевидное совпадение предшествующего Ф. Достоевского с его продолжателем Ф. Ницше, обратившись сначала к «Бесам» (год написания 1872), а затем к «Антихристианину» (год написания 1888). Вот фраза Шатова: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда еще не было народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать» [Достоевский, 2021, с. 217]. Как видим, здесь продолжается уход Шатова от социализма к религиозной памяти, или христианскому социализму (С.Н. Булгаков), а проще, к этнокультурной субъектности. А вот высказывание Ф. Ницше: «Конечно: когда гибнет народ; когда он чувствует, что его вера в будущее, его надежда на свободу, наконец, угасают; когда он осознает подчинение как первую пользу, а добродетели подчиненных как условия сохранения, тогда его бог тоже должен измениться. Он становится теперь трусливым, робким, скромным, советует "душевный покой", уже не ненависть, снисходительность, "любовь" даже к другу и врагу. Он постоянно морализирует, он заползает в пещеру всякой частной добродетели,

становится для всех Богом, становится частным лицом, становится космополитом...» [Nietzsche].

Как отмечает Е.Н. Левандовская, «Ницше утверждает, что культура народа, в отличие от варварства, проявляется в единстве стиля во всех его жизненных проявлениях. Народ, которому приписывают обладание культурой, должен быть живо единым, не распадающимся на внешнее и внутреннее, форму и содержание…» [Левандовская, 2015, с. 125].

Заключение

Эрзац-культура, производимая в современном для Ницше обществе модерна, заботит его тем, что в ней больше не явлена в качестве основы связь религиозного опыта и этнокультурной субъектности. Раскрытие этого завешивания связи заключается в том, что утрачена сама идея культуры, которая на самом деле и играет в философии Ф. Ницше одну из ключевых ролей. Народ в подлинной культуре решительно идет к реализации ее идеи; в эрзац-культуре, когда вещь уже не является символом связи этнокультурной субъектности с религиозной памятью эта идея скрывается. Изобретение исчезает и идет подражание. Диагноз такой культуре у Ницше выглядит так: «Наша современная культура именно потому и имеет характер чего-то неживого, что ее совершенно нельзя понять вне этого противоречия, или, говоря иначе, она, в сущности, и не может вовсе считаться настоящей культурой; она не идет дальше некоторого знания о культуре, это – мысль о культуре, чувство культуры, она не претворяется в культуру-решимость. То же, что на самом деле действует как мотив, проявляясь в поступке, является часто не более как безразличной условностью, жалким подражанием или даже грубой гримасой» [Ницше, 2013, с. 112].

Список литературы

Бахтин М.М. 2000. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М., Русские словари, 798 с.

Визгин В.П. 2004. На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М., Языки славянской культуры, 800 с.

Дугин А.Г. 2011. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М., Академический проект; Гаудеамус, 500 с.

Левандовская Е.Н. 2015. О роли понятия культуры в философии Ницше. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 31(1): 123–129.

Марков Б.В. 2003. Ясперс о Ницше. В кн.: Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. Пер. с нем. Ю. Медведева. СПб., Владимир Даль: 5–59.

Московичи С. 2020. Век толп: Исторический трактат по психологии масс. Пер. с фр. Т.П. Емельяновой. М., Академический проект, 396 с.

Ницше Ф. 2007. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., Культурная революция, 432 с.

Ницше Ф. 2013. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. М., Культурная революция, 480 с.

Перцев А.В., Фархитдинова О.М. 2016. «Философ, психолог, антихристианин»: Фридрих Ницше в интерпретации Вальтера Кауфмана. В кн.: Кауфман В. Ницше: философ, психолог, антихристианин. Пер. с англ. В.А. Сухаревой. СПб., Владимир Даль, 655 с.

Фридлендер Г. 1985. Достоевский и мировая литература. Л., Советский писатель, 456 с.

Фридрих Ницше: наследие и проект. 2017. Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая, Е.А. Полякова; пер. А.Г. Жаворонков, И.М. Полякова. М., Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 824 с.

Цендровский О.Ю. 2015. Система философии Ницше. *Философия и культура*, 7: 997–1007. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.12000.

Шопенгауэр А. 2001. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Parerga и Paralipomena: в 2 т. Т. 1: Parerga. Пер. с нем.; Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М., ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 400 с.

Nietzsche F. Der Antichrist. URL: https://royallib.com/read/nitsshe_fridrih/ Der_Antichrist.html#20480 (дата обращения: 05.02.2026).

References

Bakhtin M.M. 2000. Sobranie sochineniy [Collected Works]. In 7 vols. Vol. 2: Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Stat'i o Tolstom. Zapisi kursa lektsiy po istorii russkoy literatury [Problems of Dostoevsky's Creative Work. Articles on Tolstoy. Notes from a Course of Lectures on the History of Russian Literature]. Moscow, Publ. Russkie slovari, 798 p.

Vizgin V.P. 2004. Na puti k drugomu: Ot shkoly podozreniya k filosofii doveriya [On the Way to the Other: From the School of Suspicion to the Philosophy of Trust]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoy kul'tury, 800 p.

Dugin A.G. 2011. Martin Khaydegger: vozmozhnost' russkoy filosofii [Martin Heidegger: The Possibility of Russian Philosophy]. Moscow, Publ. Akademicheskiy proekt; Gaudeamus, 500 p.

Levandovskaya E.N. 2015. O roli ponyatiya kul'tury v filosofii Nitsshe [On the Role of the Concept of Culture in Nietzsche's Philosophy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 31(1): 123–129.

Markov B.V. 2003. Yaspers o Nitsshe [Jaspers on Nietzsche]. In: Yaspers K. Nitsshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya [Nietzsche: An Introduction to Understanding His Philosophizing]. Translated from the German. St Petersburg, Publ. Vladimir Dal': 5–59.

Moskovichi S. 2020. Vek tolp: Istoricheskiy traktat po psikhologii mass [The Age of the Crowd: A Historical Treatise on Mass Psychology]. Translated from the French. Moscow, Publ. Akademicheskiy proekt, 396 p.

Nitsshe F. 2007. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 4: Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo [Complete Works: in 13 vols. Vol. 4: Thus Spoke Zarathustra. A Book for All and None]. Moscow, Publ. Kul'turnaya revolyutsiya, 432 p.

Nitsshe F. 2013. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. T. 1/2: Nesvoevremennye razmyshleniya. Iz naslediya 1872–1873 gg. [Complete Works: in 13 vols. Vol. 1/2: Untimely Meditations. From the Nachlass 1872–1873]. Moscow, Publ. Kul'turnaya revolyutsiya, 480 p.

Pertsev A.V., Farkhitdinova O.M. 2016. "Filosof, psikholog, antikhristianin": Fridrikh Nitsshe v interpretatsii Val'tera Kaufmana ["Philosopher, Psychologist, Antichrist": Friedrich Nietzsche as Interpreted by Walter Kaufmann]. In: Kaufman V. Nitsshe: filosof, psikholog, antikhristianin [Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist]. Translated from the English. St Petersburg, Publ. Vladimir Dal', 655 p.

Fridlender G. 1985. Dostoevskiy i mirovaya literatura [Dostoevsky and World Literature]. Leningrad, Publ. Sovetskiy pisatel', 456 p.

Fridrikh Nitsshe: nasledie i proekt [Friedrich Nietzsche: Legacy and Project]. 2017. Comp. and ed.-in-chief Yu.V. Sineokaya, E.A. Polyakova; transl. A.G. Zhavoronkov, I.M. Polyakova. Moscow, Publ. Izdatel'skiy Dom YaSK: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 824 p.

Tsendrovskiy O.Yu. 2015. Sistema filosofii Nitsshe [The System of Nietzsche's Philosophy]. *Filosofiya i kul'tura*, No. 7: 997–1007. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.7.12000.

Shopengauer A. 2001. Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 4: Parerga i Paralipomena: v 2 t. T. 1: Parerga [Collected Works: in 6 vols. Vol. 4: Parerga and Paralipomena: in 2 vols. Vol. 1: Parerga]. Translated from the German. Moscow, Publ. TERRA – Knizhnyy klub; Respublika, 400 p.

Nietzsche F. Der Antichrist [Online resource]. URL: https://royallib.com/read/nitsshe_fridrih/Der_Antichrist.html#20480 (accessed: 05.02.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.02.2026
Поступила после рецензирования 13.05.2026
Принята к публикации 31.08.2026

Received February 13, 2026
Revised May 13, 2026
Accepted August 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бобков Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Bobkov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia.